

Гость "ВК"

Веч. клуб. - 1994. - 20 сент. - с. 7

Собратья по искусству и зрители отметят в будущем году полвека работы в Театре Сатиры одного из самых многогранных и обаятельных актеров — народного артиста Георгия Менглета.

Лет десять назад Александр Ширвиндт пригласил репризу к 90-летию Г. Тусузова: "У них с Менглетом много общих воспоминаний; что не помнит Менглет, всегда напоминает Тусузов, что не помнит Тусузов, не помнит и Менглет". Как раз в это время увидела свет (увы, мизерным тиражом) книга Георгия Павловича "Актер — лицо действующее", где он детально вспоминает события даже двадцатых годов. Он все прекрасно помнит, нынешний дорогой гость "ВК".

Георгий МЕНГЛЕТ:

"В самые партийные времена наш театр не ставил Софронова"

— Неловко спрашивать, Георгий Павлович. Но из "Театральной энциклопедии" все знают, что родились вы в 1912 году...

— Отметьте: в олимпийском 1912-м!

— Как же сохранились эти юношеская стремительность, жизнерадостность, чистота взгляда?

— У нас в Воронеже всех захватил спорт. Крутили "солнышко" на турнике, подтягивались на кольцах, делали стойку на руках, всякие кульбиты. Спорт удержал меня от курения, спиртного, других вредных привычек. Я был мальчишкой, когда приехал и остановился у нас дома друг моего отца абсолютный чемпион мира борец Иван Шемякин — два метра, 160 кило. Благодаря ему я занялся борьбой. А футбол? Даже в бригаде фронтового театра, под бомбежкой, когда "перед мысленным взором человека проходит вся его жизнь", я порой думал о футболе. И сам играл, и среди моих друзей и знакомых — Бесков, Симонян, Якушин, Николаев... Кстати, я страшно переживал перипетии нашей сборной на чемпионате мира-94 и решительно против свары вокруг имени Садырина. Игроки должны играть, а не склоняться!

— В Театре Сатиры вы полвека. Что он для вас?

— Вообще-то в Театре Сатиры я более 60 лет. Учился в ГИТИСе у Андрея Павловича Петровского, который еще в начале 30-х был художником Театра Сатиры, и мы, его студенты, играли там в спектаклях. У меня даже были роли с текстом. Но в штат Сатиры я вступил лишь в 45-м году, убежав от Рубена Николаевича Симонова, взявшего меня в Театр имени Вахтангова... Дело в том, что в Сатире мне обещали квартиру, а мы тогда ютились впятером в 9-метровой комнатке. Квартиру гарантировали через две недели (ждать ее пришлось 11 лет).

Театр Сатиры! Великолепные артисты: Хенкин, Лепко, Поль, Доронин, Корф, Рудин, Слонова, Нурм, Курихин... В самые

крутые времена наш театр не поставил ни одной пьесы Софронова или Сурова, чем грешили самые академические труппы. Наш хитрил и выбирал что-нибудь получше. На острие атаки, как говорят футболисты, всегда Валентин Николаевич Плучек.

Недавно мы праздновали его юбилей. Некогда к Мейерхольду пришел юный режиссер-стажер Валя Плучек. Первый же Валин творческий опыт имел успех, и Мейерхольд жал дебютанту руку. Плучек умеет сколачивать труппы. На всю страну гремел созданный им некогда Театр Северного флота!.. Плучеку трудно угодить, он вечно недоволен тем, что "ты только надкусил материал, а вглубь не проник"... Если спектакль ставит приглашенный режиссер, актеры говорят: "Ничего, придет Плучек и вошьет свежую кровь". Валентин Николаевич утверждает: "Смех многолик, он и лукав, и язвитель, и добр, и убийствен. Единственное, чего он не может себе позволить, — это быть бессмысленным и плоским".

— Георгий Павлович, вы общались со многими корифеями искусства. Наверное, и они говорили афоризмами, как Плучек?

— Наша воронежская учительница литературы Александра Ивановна Лепинь организовала школьный драмкружок, где я сыграл Чацкого, Осипа в "Ревизоре", Вильгельма Телля. Так вот, однажды она сказала: "Менглет, трудно прожить жизнь, обладая лишь приятной улыбкой". Другая наша воспитательница — родственница Станиславского — Мария Сергеевна Иванова проводила меня в 1930 году с рекомендательным письмом к самому Лужскому: "Многоуважаемый и милый Василий Васильевич! Едет в Москву один из моих артистов — Жорж Менглет. Увлекается театром лет с пяти. Играл у меня Чацкого. Конечно, я не настоящий режиссер, но несколько капель дяди Костиной крови во мне течет... М. Иванова".

Храню это письмо, но к Лужскому с ним

не пошел. И правильно сделал. Пробывать нужно без протекции. В ГИТИС я поступил сам. В 1934-м был принят в студию Алексея Денисовича Дикого. Он говорил: "Нельзя научиться плавать в ванне. Вершок в пространстве и секунда во времени решают судьбу целого. Дважды два в искусстве — совсем необязательно четыре. Актер стоит столько, сколько сможет поднять: сколько поднимешь, столько и унесешь"... Дикого посадили как иностранного шпиона. Пять лет отсидел. А мы, его ученики, отправились тогда в Таджикистан и создали первый Русский драмтеатр.

— Я читала, что ради этого вы уехали от самого Бабочкина!

— После Дикого даже Борис Андреевич Бабочкин показался нам несколько чуждым. Он это понял. Письмо от него, доброе и мудрое, тоже храню. Кстати, один генерал — Хлебников — рассказывал мне, что его бойцы, увидев подлинный исторический портрет Чапаева, заявили: "До чего же не похож на настоящего!" Настоящим для них был Чапаев Бабочкина.

После телесериала "Следствие ведут знатоки", где я сыграл жулика — начальника мусорной свалки, один зритель, ответственный работник прокуратуры, признался: "Не хотел бы я, Георгий Палыч, чтобы вы были моим подследственным! Вы так умело изворачиваетесь..."

— Вы упомянули о фронтовом театре. Как там, что там было?

— Много чего было. Прибыли мы в 42-м в расположение войск, где Рокоссовский командовал фронтом. После первого кон-

церта Константин Константинович зашел к нам и сказал: "Хорошо, что хоть у вас на сцене не стреляют. Мы это делаем лучше. Веселая программа поднимает настроение... Какие у вас пожелания?" — обратился он ко мне как к руководителю актерской бригады. "Мы бы хотели на передовую!" — "Все такие герои? — улыбнулся Рокоссовский и приказал адъютанту: — Отправьте артистов в квадрат Н". "Дорога простреливается, товарищ командующий", — заметил порученец. "Дашь бронированный грузовик".

Мы играли всюду, до 45-го года. Однажды — в госпитале-бараче, где лежали тяжелораненые. Помню, один из них, в первом ряду, засунул себе в рот кулак, чтобы не хохотать: швы могли разойтись... От Орла и Белгорода до румынских Боташан — путь нашего фронтового театра.

— Итак, 45-й год, и вы пришли в Театр Сатиры.

— Я счастлив. Я видел, лично знал и знаю множество блестящих мастеров, начиная с Мейерхольда, Таирова, Михоэлса, Хенкина, общался с Райкиным, Луи Арагоном, Эльзой Триоле... Нет, всех не перечислить. Но об одном человеке не могу не сказать особо.

Нина Архипова у нас просто гениально сыграла Иветту в брехтовской "Матушке Кураж". В пьесе Шоу "Дом, где разбиваются сердца" (у меня там роль капитана Шотовера), приняла эстафету у незабвенной Лидии Сухаревской — роль Хизионы Хешебай. Мы вместе упоенно работали в спектакле "Проснись и пой"... Нина Николаевна — умный аналитик, добрейший человек, очаровательная женщина, счастливая мать. Благодарю судьбу, подарившую мне редкостного друга в жизни и искусстве.

— У вас талантливая дочь Майя. Одно из первых ее появлений — юную героиню фильма "Дело было в Пенькове" — забыть невозможно.

— У Майи свой путь в творчестве. Тоже без протекций. В Школу-студию МХАТа она

поступила тайком от меня.

— У вас сложились собственные принципы актерской работы. Поделитесь, Георгий Павлович.

— Быть органичным мало. Перевоплотиться, стать социально точным, овладеть жизненной правдой — тоже мало. Требуется открытие!..

Однажды я крепко заболел. Ночью через открытую дверь палаты увидел хирурга, только что сделавшего тяжелую операцию (после узнал, что он спас очередную жизнь). Большой сильный человек рухнул на подоконник, тяжело вздохнул, закурил, сделал глубочайшую затяжку и долго смотрел в окно. Такую отдачу мы нечасто встречаем в театре. А она необходима, если хочешь сделать еще хоть шаг вперед.

— Любимая роль или роли у вас есть?

— Уж простите, тут я любвеобилен. Олег Баян и Победоносиков в пьесах Маяковского, Глумов, Паратов, Кучумов и Незнамов в пьесах Островского, Шекспир, Мольер, Бомарше, Гоголь, Хикмет, де Филиппо, Фриш...

Лучше вместо дальнейшего перечисления я позлословлю насчет Плучека. Во время гастролей в Париже давали мы концерт во дворце Шайо (там, знаете ли, гигантские сцена и зрительный зал). Валентин Николаевич решил выступить перед парижской публикой как чтец. Имел немалый успех. Но, отклонявшись, за кулисами наконец признался: "Я даже не представлял, как трудно и страшно быть актером!" То-то...

— Георгий Павлович, в вашем арсенале наверняка множество курьезных историй. Хоть одну — умоляю!

— Но учтите, она длинная, наберитесь терпения. В Театре Сатиры был великолепный комик Федор Николаевич Курихин. Готовился бенефис известного артиста, должны были участвовать все звезды театра. Одна из бессловесных ролей досталась Курихину.

В центре сцены открытый люк обозначал бассейн. Справа действовали главные герои, слева персонаж Курихина должен был тихо ждать очереди спуститься в бассейн... Увидев своего любимца в экстравагантном купальном костюме, публика захихикала. Курихин, ничего не предпринимая, сидел как истукан. Смех в зале нарастал, на основных героев уже не обращали внимания. "Федя, не смехи зрители, не срывай бенефис!" — орально шептал из-за кулис режиссер. Федор Николаевич, чтобы стушеваться, прилег на скамью. Зал захохотал.

— Подлец, оставь в покое публику! — прошипел бенефициант. Огорченный Курихин снова сел. В это время из-за кулис вышла кошка (при театрах часто живут кошки), вспрыгнула Феде на колени и стала об него тереться. Зал уже рыдал.

— Сейчас же брось кошку! — заорал бенефициант.

Разумнее всего было отправить ее в люк, что Федя и сделал. А там рабочий сцены держал лестницу для очередного купальщика. Ошарашенная кошка попала рабочему прямо на лысину и в нее вцепилась. Рабочий, расцарапанный до крови, выбросил кошку обратно на сцену. Волею судьбы кошка вновь упала на колени Феде. Зал уже не мог смеяться — только стонал. Ни в чем не виноватый Курихин посчитал себя действительно подлецом по отношению к бенефицианту и решил исчезнуть: спуститься в бассейн. Но рабочий сцены ушел залечивать царапины и унес лестницу. Ступив в бездну, Федя едва успел зацепиться за край люка. Над сценой осталась лишь его голова с вытаращенными глазами и отчаянным выражением лица.

— Прыгай, скотина! Убью! — завопил бенефициант.

— Не могу! — в ужасе ответил Курихин. — Лестницы нет, я же расшибусь!

Дали занавес. Театр давно не знал такого триумфа. "Курихин, Курихин!" — зывала публика. После спектакля бенефициант пригласил на банкет всех, кроме Феде...

Гостя принимала Екатерина МЕТЛИНА.